

Р. Н. ЛУНКИН

Протестантизм в России: новая сила гражданского общества

За последние 20 лет в мире христианских церквей России произошли радикальные изменения. На фоне превращения православия в символ национальной идентичности, патриотизма, духовности, а Православной церкви в хранительницу культурного кода, столь же прочные позиции в обществе заняла другая — по сути — альтернативная христианская сила — евангельское протестантское движение. Оно существует и активно развивается в России в рамках нескольких сотен течений и движений, которые представляют основные протестантские направления: лютеранство, баптистско-евангельское течение (баптисты, евангельские христиане, реформаты и кальвинисты, меннониты и т. д.), методизм, пятидесятничество, адвентизм. Несмотря на свою разрозненность, все эти конфессии представляют собой единое протестантское движение, которое имеет свой взгляд на общественно-политическое развитие страны, на социальное служение, роль верующих в разных сферах жизни и предлагает свое представление о российском патриотизме как христианском, но неправославном.

Как и до революции 1917 г., националисты и представители Православной церкви воспринимают развитие и укоренение протестантских течений на российской почве как вызов для русской идентичности, государства и православия как «традиционной» религии. Однако и дореволюционная, и советская история уже расставила все по своим местам — протестантизм не только рос, но и достигал больших миссионерских успехов, преодолевал репрессии и налаживал свои отношения с властью и обществом в самые трудные времена, наряду и наравне с православием. Вместе с тем эта христианская конфессия вызывает массу критики в свой адрес

с самых разных сторон, подозрение со стороны представителей власти и общественности, скрытое и открытое неприятие со стороны православия. Причины этого кроются как в исторических особенностях развития религии в России при абсолютном господстве православия, так и в той реальной роли, которую протестантизм стал играть в советский и постсоветский период.

МИФЫ И ИЛЛЮЗИИ

Для того чтобы поле для научного исследования было чистым, необходимо отметить и развенчать целый ряд мифов, существующих вокруг протестантизма в обществе, в СМИ, в православной среде.

Прежде всего, самым распространенным мифом является то, что евангельские церкви возникли лишь совсем недавно в силу того, что православие в 1990-е гг. было слабым и из-за советских гонений не было готово к широкой миссии. Между тем существование протестантов не является чем-то странным или принципиально новым для российского общества. Первые протестанты появились в России как только возникло само это течение, то есть в XVI в., при Иване Грозном. При Петре I протестантизм стал заметной общественной и культурной силой. Протестантами были лютеране — немцы, финны, эстонцы, которые в том числе составляли цвет российской армии и чиновничества. Устав Лютеранской церкви утверждался императором, покровителем православия. В конце XVIII — в начале XIX в. на территории России осели немецкие меннониты, пиетисты и штундисты. В начале XX в. в России по существу уже было примерно представлено то многообразие протестантских направлений, которые действуют сейчас. В то время в стране возникли Союзы баптистов и евангельских христиан, были реформатские церкви, методисты, Армия Спасения¹, адвентисты. В 1911 г. на территории Российской империи в Гельсингфорсе в Финляндии появились первые пятидесятники, которые отрицали догмат о Святой Троице. В 1921 г. в Одессе Иваном Воронаевым была создана первая община пятидесятников, исповедующих веру в Троицу и крещение Святым Духом.

Социальная база протестантизма качественно и количественно расширилась уже после революции — к 1929 году, к началу сталинских репрессий и введения нового законодательства о религиозных культах, было очевидно, что протестантское движение перестало

быть малочисленным «сектантским» течением, которое можно было не замечать на общероссийском уровне. Накануне гонений это было самостоятельное движение, которое в лице своих лидеров (к примеру, Ивана Проханова, главы Союза евангельских христиан), как могло, пыталось строить новую жизнь вместе с советской властью, хотело принимать участие в экономическом и политическом процветании страны (до 1917 г. баптисты и евангельские христиане поддерживали партию кадетов, в 1918 г. Проханов создал политическую партию «Воскресение»), призывало к реформам в Православной церкви. В эпоху НЭПа довольно быстро росла численность протестантов: если сразу после революции их число составляло 150–200 тыс., то к концу 1920-х гг. оно выросло до 1 млн человек на территории всего Советского Союза*. Это численность протестантов по оценкам самих представителей евангельского движения. Но, учитывая темпы роста движения, возникновение новых и успехи миссии, то эта немного завышенная цифра вполне реальна. В России протестантизм чрезвычайно бурно развивался по сравнению с дореволюционным периодом, наибольших успехов баптисты, евангельские христиане и пятидесятники добились в Украине, Белоруссии, Прибалтике и на Юге России.

Протестантизм в лице основных своих направлений стал привлекать все слои населения, православных и неправославных, русских и представителей других национальностей. Евангельское движение стало частью русской жизни, преодолев национальные и социальные рамки.

Укорененность евангельского движения вступает в противоречие с другим мифом, который гласит, что российский патриот, защитник и носитель русской культуры, может быть только православным, а в протестантизме господствует исключительно прозападное мировоззрение, критика РПЦ и России, и отсутствует почва для утверждения в сознании людей ценностей русской духовности и литературы.

Однако история XX в. сделала судьбу евангельских верующих, как называют всю совокупность членов протестантских направлений, неотъемлемой частью российской христианской истории, пробуждения гражданского сознания в инославном христианстве до и после революции, противостояния безбожной власти и по-

* Баптист. 1993. № 1. С. 30; См.: Подберезский И. В. Быть протестантом в России. М.: Благовестник, 1996. Глава третья.

пыткок приспособиться к ней. Страдания и репрессии объединили баптистов, пятидесятников, адвентистов с православными, создали особый евангельский патриотизм и консервативное благочестие протестантов Советского Союза, как советский, основанный на лояльности власти и жесткой трудовой этике, так и непримиримый антисоветский, который вел к мученичеству. Протестанты также читали русскую литературу, отмечая все то, что там говорится о Боге, пели советские песни, но со своими словами о Боге, ходили в те же школы, как и все (но отказывались вступать в пионеры и комсомол), служили в армии, работали на заводах и в колхозах (в вузы верующим поступать не давали). Выступление за свободу совести и оценку православного богослужения и богословия с точки зрения протестантских постулатов вряд ли можно считать признаком враждебности. В то же время советские стереотипы, касающиеся «сектантов» и «сектантской угрозы», довольно легко переключались в лексикон православных авторов и журналистов, и отчасти сформировали противоречивое и по сути ложное представление о протестантских общинах как о «сектантах» и «западных шпионах». Этому способствовал целый ряд факторов.

Во-первых, возрождение протестантизма (развитие старых церквей и возникновение новых движений и миссий) было тесно связано с сотрудничеством российских общин с иностранными миссиями и учебными заведениями, с распространением зарубежной литературы, проповедями в России западных миссионеров. Яркие выступления Билли Грэма, Карла Густава Северина, Ульфа Экмана и многих других, в том числе на стадионах, отложились в сознании у многих. И потом уже мало кого интересовало, что западная поддержка церквей в России заключалась чаще всего в гуманитарной помощи, которая распространялась среди всех желающих, миссия иностранцев в России редко увенчивалась каким-либо серьезным успехом, за некоторыми исключениями, а абсолютное большинство пасторов и миссионеров, как в 1990-е гг., так и в 2000-е гг., и сейчас, составляют выходцы из Украины.

Во-вторых, сами евангельские церкви часто помогали тому, чтобы о них складывалось впечатление как о неполноценных «сектантах», поскольку многие служители, даже в 1990-е гг., на волне миссионерского успеха, были склонны думать, что протестанты в России — это маргиналы, а православие и Православная церковь должны играть ведущую и решающую роль в религиозной и общественно-политической жизни страны. Служители сами при-

знавали себя «нетрадиционными» по сравнению с «традиционным» православием, а новый успех христианства в России связывали с возрождением и реформацией РПЦ. Эти иллюзии противоречат мировоззрению настоящего протестанта-миссионера, но вполне объяснимы — протестанты шли рука об руку вместе с обществом и его настроениями. Большинство граждан также в 1990-е гг. испытывало интерес к любому слову о религии и пиетет перед РПЦ как новым символом идентичности и государственной идеологией. Евангельские верующие, как в позапрошлом, прошлом, так и в нынешнем веке всегда были с обществом, независимо от того, что о них писали и говорили атеисты и православные, и насколько пренебрежительно относилась к ним власть. В постсоветский период исторические комплексы, связанные с протестантами, обострились в силу того, что их бурный рост и роль в общественной жизни стали очевидны.

Один из стереотипов, которые можно часто встретить, заключается в том, что протестантизм 1990-х гг. — это совершенно новое явление, принципиально отличное от движения советского времени. После распада Советского Союза протестантское движение стало силой общероссийского масштаба, которая смогла реализовать значительную часть потенциала, накопленного, как оказалось, именно в советский период. Молодежь из баптистских и пятидесятнических общин стала с энтузиазмом создавать новые церкви и миссии, большая часть консервативного старого руководства евангельских объединений оказалась вполне мобильной в новых условиях. К примеру, сразу было заявлено о необходимости высшего образования для верующих, молодежной миссии в самых разных ее формах, сотрудничества с органами власти (что было актуально для тех, кто в советское время отказывался от регистрации и любых форм взаимодействия с безбожными властями) и представителями РПЦ в новой демократической России.

Отдельный вопрос — это сотрудничество российских церквей, в своей основной массе только что вышедших из подполья, со своими западными единоверцами: образ мыслей и представление о богослужении и миссии российских консерваторов — баптистов и пятидесятников — значительно отличались от идеологии их зарубежных собратьев, но частично пасторы старой закалки с этим смирились, а частично из старых церквей выделился целый ряд новых молодых объединений, которые впитали в себя как новейшие идеи мирового протестантского движения, так

и традиции консервативного протестантизма советского периода. Для большинства лидеров тех церквей, которые иногда называют «неопротестантами», а в пятидесятнической среде харизматами или «неопятидесятниками», преемственность традиций очевидна, и она заключается даже не в прямом историческом преемстве, хотя многие пасторы — это сыновья, внуки героев советского времени, выходцы из этих общин, а в том, что все протестанты ощущают общность мировоззрения, основных богословских взглядов, а главное — естественность развития евангельского движения в его самых разных формах, как консервативных, так и учитывающих элементы поп-культуры. Особенно это заметно на примере пятидесятничества, где самый жесткий консерватор старой закалки все равно будет ближе всего к харизмату и будет считать его своим «собратом во Христе», так как в «старой» церкви в другой форме проявляются все те же «духовные дары».

К числу мифов следует отнести и представление о крайней маргинальности и малочисленности протестантов. Действительно, общероссийские опросы пока не выявляют членов протестантских церквей, а в регионах этот процент не высок — от 1% до 3% населения. Между тем среди зарегистрированных религиозных объединений протестантские церкви занимают второе место после православных организаций. Протестантизм в России ныне включает в себя евангельских христиан-баптистов, христиан веры евангельской (пятидесятников), евангельских христиан, лютеран, адвентистов, методистов, реформатов, пресвитериан, англикан, меннонитов и неденоминированные христианские церкви.

Если данные по централизованным и местным организациям РПЦ в целом совпадают с реальной численностью ее приходов и монастырей, то неправославные и, прежде всего, протестантские церкви и новые религиозные движения в последние 10 лет намного реже стали регистрировать свои общины. Протестанты (а конкретно в первую очередь пятидесятники и баптисты-евангелисты) имеют по разным причинам наибольшее число незарегистрированных общин. С одной стороны, власти протестантов не очень любят и не спешат их регистрировать. У «нетрадиционных» церквей, к которым чиновники и представители РПЦ часто относят и протестантов, возникают проблемы с регистрацией, а уже зарегистрированные церкви подвергаются постоянным проверкам со стороны Минюста РФ, прокуратуры и других органов власти.

С другой стороны, есть весьма многочисленные протестантские деноминации, принципиально отказывающиеся регистрироваться (Совет церквей евангельских христиан-баптистов, насчитывающий чуть менее 2 тыс. общин, пятидесятническая Объединенная церковь христиан веры евангельской — около 500 общин). Пятидесятнические (и в меньшей степени другие протестантские) зарегистрированные общины, как правило, имеют незарегистрированные филиалы, часто со своим пастором. Число этих филиалов может достигать нескольких десятков. Фактически это самостоятельные «местные религиозные организации». Даже центральные органы пятидесятнических и баптистских союзов не имеют данных об этих филиалах и, естественно, никак их не учитывают. Таким образом, реальная численность протестантских общин может быть исчислена только приблизительно. Реально функционирующих протестантских общин 8–9 тыс.

Большинство церквей евангельского направления имеет фиксированное членство верующих, а поэтому по числу самих церквей можно определить примерное количество прихожан. Протестантские церкви, конечно, имеют весьма разную численность — от 20 чел. до 2–5 тыс. чел. Средняя численность протестантской общины, как заявляли сами лидеры протестантов, — это 300 человек. Эта цифра близка к истине, хотя и несколько завышена. Таким образом, численность практикующих протестантов в России может быть приблизительно оценена более чем в 1,5 млн человек (из них не менее 50% — пятидесятники).

Однако главное даже не в том, какое место протестанты заняли в реестре религиозных объединений, — евангельское движение стало за последние 10–15 лет играть заметную роль в религиозной жизни в целом и самую заметную роль среди всех христианских церквей после православия.

ПРОТЕСТАНТИЗМ В РАЗВИТИИ

В нашу задачу не входит подробное описание каждого из протестантских союзов и всего многообразия действующих в России миссий и движений. Можно лишь отметить наиболее яркие явления, наглядно свидетельствующие об энергичном развитии евангельского движения и о его укоренении в российской общественной жизни.

Самым ярким примером может служить превращение лютеранства в российское патриотическое движение. Вплоть до 90-х гг. XX в. все общины лютеран на территории России фактически имели статус «национальных» церквей. К началу революции уже почти во всех лютеранских общинах появились русские, однако по существу эти церкви оставались все равно немецкими, финскими, шведскими, эстонскими, латышскими. За последние 10–15 лет лютеранские общины пережили приток большого количества новых прихожан, не принадлежащих к «этническим лютеранам». Эти прихожане — в основном русскоязычная интеллигенция, но также и служащие, бизнесмены — сегодня уже численно преобладают во многих лютеранских церквях России. Медленнее всего и слабее процесс приобщения русских к лютеранству идет в «немецкой» церкви ELKRAS (Евангелическо-лютеранской церкви в России, на Украине и в Средней Азии, то есть в лютеранстве немецкой традиции).

Другая же юрисдикция — Церковь Ингрии, фактически стала привлекать именно русскую интеллигенцию. Проповедуя русским, большинство финских пасторов не стремились построить чисто финскую церковь, а поэтому довольно быстро появились как российские пасторы, так и русская миссия, в становлении которой большую роль сыграл пастор Церкви Ингрии Сергей Прейман (умер в 2005 г.). Под влиянием Преймана сложился изначальный подход Церкви Ингрии к миссии среди русских: рассматривать Россию как страну с православным менталитетом, уделять максимум внимания традициям православия, стараться адаптировать Православные церковные традиции в лютеранской литургии, в облачениях священников и в оформлении лютеранского храма. Однако постепенно стало очевидно, что новые прихожане ищут в ней чего-то иного, нежели сходства с Православной церковью, а членами Церкви Ингрии часто становятся выходцы из других протестантских конфессий.

Первой успешной попыткой организовать российскую лютеранскую церковь стало создание в Сибири Библейско-лютеранской церкви (переименованной в 2003 г. Сибирскую Евангелическо-лютеранскую церковь — СЕЛЦ). Ее основатель, остающийся формальным и духовным лидером, Всеволод Лыткин принял лютеранство в Эстонии, и затем, создав свою независимую общину в 1991 г. в Новосибирске, формально подчинил ее таллинскому архиепископу. В 2007 г. СЕЛЦ получила полную автокефалию,

а Всеволод Лыткин был рукоположен в епископа. На практике основную помощь ЕЛЦ оказывает Миссури Синод — консервативная лютеранская церковь, которая видит свою задачу не столько в прямой миссионерской деятельности, сколько в поддержке других консервативных лютеран.

Однако многих пасторов в разных юрисдикциях не устраивали как этнические рамки церквей и либерализм, так и отсутствие амбициозной миссионерской деятельности. В результате в 2006 г. была создана общероссийская Евангелическо-лютеранская церковь Аугсбургского исповедания (ЕЛЦАИ), которую образовали отдельные прихожане, пасторы и целые общины вышедшие из «немецкой» ЕЛЦ и ЕЛЦИ. Толчком для создания новой церкви послужила смена руководства ЕЛЦ, которая обострила все противоречия, существовавшие ранее в подавленном состоянии. После назначения, вместо отошедшего от дел по болезни Георга Кречмара, архиепископом ЕЛЦ в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии Эдмунда Ратца наметились изменения в церковной политике. Георг Кречмар проводил политику создания либеральной церкви в России очень осторожно, стремясь не вступать в конфликты с консервативно настроенной частью прихожан, но недовольство части пасторов оказалось неизбежным. Лидеры ЕЛЦАИ стоят на строго консервативных позициях, выступают в целом против женского священства и тем более против иных попыток пересмотра библейских норм и моральных ценностей. Идеологами Евангелической церкви стали бывший представитель ЕЛЦ в Москве Владимир Пудов, руководитель Служения Лютеранского Часа Константин Андреев и глава автономной лютеранской общины в Рязани Владимир Солодовников. Они провозгласили свою церковь традиционно российской протестантской структурой, в которую должны обратиться все остальные протестанты — баптисты, пятидесятники, харизматы. За исключением ослабленной немецкой ЕЛЦ все остальные лютеранские юрисдикции развиваются вполне стабильно, а русские пасторы уже не стесняются заявлять о своей исторической миссии в России.

Баптистско-евангельское движение долгое время было представлено исключительно евангельскими христианами-баптистами (ЕХБ): с 1944 г., когда при активном участии советской власти был создан Всесоюзный совет ЕХБ, и до начала 1990-х гг., когда от союза стали откалываться различные движения и параллельно расти новые движения. На 2011 год в Союзе ЕХБ более 56 региональных

объединений, 2 тыс. церквей и групп, около 80 тыс. официальных членов, то есть в целом это означает, что Союз объединяет сообщество примерно в 200 тыс. человек, включая детей, семьи, тех, кто готовится к крещению, и т. д. В церквях большое количество молодых прихожан. Баптистские семьи — обычно многодетные, то есть трое детей в семье, — это нормальное явление. В Союзе баптистов развита внутренняя диакония — забота о пожилых, стариках, многодетных семьях. Это колоссальная работа, тысячи людей, охваченных заботой и попечением. В церквях ЕХБ на высоком профессиональном уровне работает около тысячи молодежных служителей. Молодежное служение с 2004 г. в Союзе стал создавать один из лидеров Союза — Евгений Бахмутский. Сейчас молодежное служение охватывает 25 тыс. молодых людей, и это движение все развивается. Баптисты работают с заключенными, с нарко- и алкозависимыми на федеральном и региональном уровнях в сотрудничестве с органами власти. Реабилитационные центры для наркозависимых есть почти в каждой области, таких центров — около 200 по всей стране. Большая работа ведется в детских домах, в баптистских церквях набирает обороты практика усыновления детей из детских домов. При поместных церквях действуют десятки общественных организаций, которые занимаются просвещением и благотворительной деятельностью. Это и бесплатные обеды, и программы против наркотиков и СПИДа. Практически все церкви участвуют в подобной социальной работе, несмотря на существующие препятствия. Аналогичную работу проводит практически каждая евангельская церковь — баптистская, евангельская, пятидесятническая или адвентистская.

Важным этапом в развитии российского протестантизма стало образование в 2008 г. Всероссийского содружества евангельских христиан (ВСЕХ), который можно назвать продолжением дела лидера 1920-х гг. Ивана Проханова. Секретарем содружества стал А. Е. Семченко — начальствующий епископ СЦ ЕХ (Союза церквей евангельских христиан), а координатором работы ВСЕХ — Семен Бородин (выходец из Союза баптистов, основатель Христианского миссионерского союза), который и рассказал нам об особенностях работы содружества. Формирование содружества станет возрождением евангельского движения как отдельного направления в русском протестантизме, долгое время вынужденного отождествлять себя с баптистами. В целом основные принципы вероучения, отличающие евангельское и баптистское направления, совпадают:

необходимость возрождения через обретение веры, обращение и покаяние, крещение только в сознательном возрасте после обращения (полным погружением). Однако еще в период формирования они приобрели различные исторические особенности. Для баптистов большое значение имеет духовная жизнь, церковное благочестие; они меньше внимания уделяют социальным и политическим проблемам страны, больше — церковной жизни, богослужению, миссионерству, изучению Библии. Для евангелистов характерны активная социальная деятельность, стремление преобразовать общественную и политическую среду.

Около 20 союзов, вошедших во ВСЕХ, представляют собой объединения церквей евангельской веры, находящихся в разных регионах страны. Чтобы избежать резкой реорганизации и в связи с этим конфликтов между церквями и союзами, формирование содружества происходит поэтапно. Переговоры ведутся только с лидерами союза, в свою очередь представляющими интересы отдельных церквей и взаимодействующие с ними в рамках одного союза. Таким образом, почти все союзы евангельских церквей (около 20) разных регионов России вошли в содружество. Наиболее крупные из них — ЕХМС (Евангельский христианский миссионерский союз), СЦЕХ (Союз церквей евангельских христиан), АЦЕХ (Ассоциация церквей евангельских христиан), ОНЦ ЕХБ (Объединение независимых церквей евангельских христиан-баптистов), ОБЦ ЕХБ (Объединение братских церквей). Стоит отметить, что отношения этих объединений с Российским Союзом ЕХБ строятся на дружественной основе, а большинство их лидеров входят в Общественный совет при РСЕХБ. Баптистско-евангельское патриотическое мировоззрение сложилось еще в советское время, перед баптистами и евангелистами не стояло вопроса о социализации или тем более о какой-либо русификации, баптисты уже в СССР рассматривались как особая часть советского общества, в отличие, к примеру, от иных «сект», таких как пятидесятники, которые целенаправленно изгонялись из общества. Баптистский патриотизм стал синонимом честного труда, и в постсоветский период эти патриотические ценности были преумножены и превращены в активный гражданский патриотизм.

Пятидесятничество представлено в России целым рядом объединений, которые составляют единое протестантское пятидесятническое движение, несмотря на внешние различия в форме миссии или служения. «Традиционное» (или классическое) пятидесятничество

проповедуется главным образом в нерегистрированном братстве, которое представлено двумя организациями. Объединенная Церковь христиан веры евангельской-пятидесятников во главе с «героем веры» советского времени епископом Иваном Федотовым по-прежнему отказывается от регистрации в органах власти. Публичные функции в союзе Федотова с начала 1990-х гг. выполняет другая структура — Российская Ассоциация Миссий ХВЕ. Руководство Церкви считает, что церковь регистрировать нельзя, а миссию можно, так как это общественная организация. «Традиционными» также является часть церквей Союза христиан веры евангельской — пятидесятников России (СХВЕП) и большинство общин ЕХДА (в Союзе единственников всего около 70 церквей и групп). Церковь Федотова является крупнейшей организацией консервативных пятидесятников — в нее входит более 400 церквей и 70 миссий. Основа учения этой Церкви — доктрина «святости», обращения, освящения и крещения Духом с помощью говорения на иных языках. Федотовцы не приемлют нововведений в богослужении, крайней эмоциональности и внешних знамений, которых много в харизматических церквях.

Умеренные пятидесятники входят в основном в Союз ХВЕП России (с 2002 г. — Российская церковь ХВЕ), а также в состав независимых региональных объединений, таких как Северо-Восточный Союз церквей евангельских христиан и Приморская Ассоциация христиан веры евангельской «Древо Жизни». Союз пятидесятников РСФСР, а затем и России был создан в 1990 г. на основе преимущественно автономных церквей, а также немногочисленных общин, тогда еще входивших во ВСЕХБ. Союз ХВЕ стал прибежищем для самых разных общин — консервативных пятидесятников, имевших автономную регистрацию в советское время и независимых харизматических групп, нуждавшихся в защите Союза. Безусловно, на атмосферу внутри СХВЕП большое влияние оказывали харизматы, вошедшие в Союз после 1997 г. Принципиально умеренное пятидесятничество отличается от «традиционного» тем, что пасторы этого направления не боятся применять новые формы служения. Им чужда крайняя экстатическая эмоциональность харизматов, их учение о «процветании» и конкретное проявление духовных даров на сцене. При этом умеренные пятидесятники широко используют инструментальную и частично рок-музыку во время богослужений.

В середине и конце 1990-х гг. значительная часть консервативных пятидесятников, в том числе и глава тогдашнего Союза

христиан веры евангельской — пятидесятников (теперь РЦ ХВЕ) Владимир Мурза надеялись на то, что молодые евангельские церкви перевоспитаются, станут более умеренными, откажутся от экстаического выражения эмоций, «даров» и «откровений», принесенных как западными пятидесятниками, так и американскими и скандинавскими харизматами, признающими только «откровения». После 2000 г. многие церкви эволюционировали и действительно стали более умеренными, «наследниками пятидесятников советского времени», другие сохранили харизматические черты, но вошли в русло более строгой церковной жизни пятидесятнических союзов.

С конца 1990-х гг. большинство харизматических церквей, возникших в 1990-е гг., вошли в Российский объединенный союз ХВЕ (РОСХВЕ). В РОСХВЕ входит около двух тысяч церквей практически во всех регионах России. РОСХВЕ — это сложная структура, состоящая из целого ряда независимых региональных и общероссийских ассоциаций, миссий, библейских центров и отдельных автономных церквей, которые могут напрямую входить в РОСХВЕ. В РОСХВЕ отсутствует четкая вертикальная структура подчинения, а общины часто объединяют только общие вероучительные принципы. После 2000 г. Сергей Ряховский стал одним из ведущих протестантских деятелей в России, фактически возглавив Консультативный совет глав протестантских церквей России, куда вошли лидеры баптистов, адвентистов и пятидесятнических союзов, не подчиняющихся РОСХВЕ. В 2002 г. Сергей Ряховский стал членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте РФ. Несмотря на то что в Совет входят и другие протестанты — адвентист и лютеранин, Сергей Ряховский часто воспринимается широкой общественностью, прессой и чиновниками в качестве представителя всего евангельского сообщества. Стремление Сергея Ряховского установить дружественные отношения с руководством Московской патриархии, а также наладить диалог с чиновниками, в том числе и в администрации президента РФ (во многом благодаря этому в 2005 г. Сергей Ряховский был избран президентом в состав Общественной палаты РФ), заявления о том, что в России есть христиане-патриоты, которые лояльны власти и готовы строить демократическое общество, модернизировать его, вызывают недовольство в среде православных националистов. Тем не менее то положение, которое занял в общественно-политической сфере пятидесятнический епископ Сергей Ряховский, стало зри-

мым свидетельством как изменения ситуации в протестантизме (большого влияния пятидесятников и харизматов), так и осознания властями необходимости сотрудничать с лидерами евангельского сообщества, которое уже нельзя не замечать.

Протестантское сообщество России давно стало важной частью российской религиозной жизни, а во многих регионах страны пасторы активно участвуют в общественной жизни и в социальном служении. Евангельские церкви и союзы совсем не представлены на федеральном уровне, они плохо представлены в региональных СМИ, а большинство сюжетов о церквях баптистов, пятидесятников, евангельских христиан, адвентистов и других основаны на грубых стереотипах, лжи и стремление создать образ «сумасшедшего сектанта».

Реальные союзы и ассоциации протестантов — это сильные объединения, включающие в себя сотни церквей и тысячи верующих, а их лидеры, как правило, периодически встречаются с представителями органов власти и даже с иерархами Русской православной церкви. С политикой, которую проводят руководители протестантских союзов, считаются чиновники на местах, поскольку без этого невозможно выстраивание отношений власти и общин на местном уровне. В 2009 г. в руководстве целого ряда объединений произошли серьезные изменения, которые говорят о выдвижении новых лидеров евангельского движения.

В декабре 2009 г. на пост начальствующего епископа Российской церкви христиан веры евангельской (РЦ ХВЕ) вместо Павла Окары был избран Эдуард Грабовенко, пастор одной из самых крупных пятидесятнических церквей в России — церкви «Новый Завет» в Перми. Грабовенко является выходцем с Украины, он родился в городе Кривой Рог (Украина). В 1991 г. Эдуард вместе с командой служителей приехал в г. Пермь в качестве миссионера. Первое служение церкви «Новый Завет» в Перми состоялось 26 июня 1991 г. В настоящее время только в Перми церковь насчитывает около 3 тыс. человек, и общине принадлежит огромное здание в центре города — бывший Дом культуры имени Ленина. Эдуарда Грабовенко характеризуют как яркого, харизматичного лидера, как достаточно практичного и делового человека, скорее не склонного к хитрым политическим играм.

РЦ ХВЕ всегда считалась самым спокойным и умеренным объединением пятидесятников, более «традиционным» по отношению к объединению харизматических церквей — Российскому

объединенному союзу ХВЕ, который возглавляет епископ Сергей Ряховский. Однако постепенно мировоззрение церквей РЦ ХВЕ менялось, многие из них становились более харизматическими, молодые общины уж не были похожи на образ умеренных «традиционных» пятидесятников. Фигура Эдуарда Грабовенко стала свидетельством этих коренных изменений, которые произошли в союзе. Грабовенко являлся с конца 1990-х гг. епископом по Пермской области, а потом по Пермскому краю, как от союза Сергея Ряховского, так и от РЦ ХВЕ, но его церковь по своей сути является харизматической общиной, как и значительная часть групп, входящих сейчас в РЦ ХВЕ.

Став начальствующим епископом, Грабовенко реформировал центральный аппарат союза. Появилась администрация начальствующего епископа Российской церкви христиан веры евангельской во главе с Иваном Боричевским. Первыми заместителями Грабовенко стали энергичные пасторы — лидеры больших региональных церквей — Виктор Филык из Мурманска, Василий Евчик из Татарстана, Алексей Руденький из Волгограда, Николай Залуцкий из Пскова. Советником по общим вопросам и руководителем отдела по внешним связям стал Владимир Моисеевич Мурза — бывший руководителем союза в 1990-е гг. и приветствовавший, в отличие от жестких консерваторов, вхождение более свободных новых харизматических церквей в это объединение. Сейчас в объединение РЦ ХВЕ входит около 1700 церквей.

В марте 2010 г. новым председателем Российского союза евангельских христиан-баптистов (РСЕХБ) вместо Юрия Сипко был избран Алексей Смирнов. Яркого общественного деятеля Сипко, известного своими критическими высказываниями на политическую и социальную тематику, сменил человек совершенно другой по характеру — умеренный и немногословный. При этом Союз баптистов возглавил фактически выходец из Совета церквей евангельских христиан-баптистов (СЦ ЕХБ), который составляют церкви в советские годы вышедшие из Союза баптистов и до сих пор критикующие РСЕХБ за прошлое сотрудничество с властями и за сегодняшнюю открытость по отношению к обществу.

Отец Алексея Смирнова — Василий Яковлевич Смирнов — с конца 1940-х гг. возглавлял баптистскую общину в Дедовске, которая сначала входила во ВСЕХБ, затем перешла в Совет Церквей ЕХБ, а в 1991 г. часть общины откололась от СЦ ЕХБ и организовала Ассоциацию братских церквей ЕХБ, которую с 1991 по 1999 г. воз-

главлял Алексей Смирнов. В своих основных мировоззренческих принципах ОБЦ занимало среднее положение между РСЕХБ и СЦ ЕХБ — и то и другое объединение братские церкви критиковали за косность, консерватизм, стремление следовать традициям, контролировать жизнь церквей. Принцип самостоятельности церквей проводил в жизнь также и Юрий Сипко. В ОБЦ все церкви были автономными и самостоятельно решали многие вопросы. В ноябре 2006 г. Смирнов был приглашен председателем РС ЕХБ Ю. К. Сипко для формирования отдела пасторского служения в качестве руководителя. Принимал участие в пасторских конференциях и других служениях РС ЕХБ. С 2008 г. Исполнительный секретарь Общественного совет ЕХБ, созданного в том числе для того, чтобы налаживать диалог с другими объединениями и союзами, близкими к баптистам.

Избрание Алексея Смирнова лидером Союза баптистов фактически стало выбором самого Юрия Сипко, который желает для союза стабильного развития и постепенного роста более молодой смены. Среди самых активных руководителей Союза находятся люди, отвечающие за ключевые вопросы жизни Союза, — это первый заместитель председателя Евгений Бахмутский, создававший молодежное движение в рамках объединения, и Петр Мицкевич, заместитель председателя по образованию, ректор Московской семинарии ЕХБ, инициировавший целый ряд новых образовательных программ. По существу в руководстве РСЕХБ осталась та же самая команда. За время руководства союзом Юрия Сипко была по сути окончательно сломана старая централизованная иерархическая система, доставшаяся в наследство от советского времени. По признанию многих старших пресвитеров церквей, баптистские общины стали более самостоятельны и автономны, и теперь им не страшен никакой руководитель, поскольку большинство вопросов они решают независимо от начальства. Таким образом, в Союз баптистов вернулся принцип самостоятельности каждой поместной церкви.

В октябре 2009 г. на общецерковном съезде Международный Совет Церквей ЕХБ возглавил новый руководитель — Николай Антонюк. Более двух лет, начиная с 15 июля 2007 г., со дня смерти бессменного председателя Г. К. Крючкова, Совет Церквей ЕХБ не имел лидера. Руководство объединением осуществлял «узкий круг служителей». Николай Антонюк ранее отвечал за Кавказское объединение СЦ ЕХБ.

Братство Совета церквей считается самым консервативным и достаточно закрытым от внешнего мира баптистским движением, которое называют еще инициативным (его члены — «инициативники»). Образовавшееся в результате отделения от ВСЕХБ, инициативное движение (как его называли), начиная с 1961 вплоть до 1988 г. на территории действовало СССР нелегально. Верующие, несмотря на запреты властей, водили на богослужения своих детей, собирались в частных домах, активно проповедовали Евангелие и подпольно издавали христианскую литературу. Безбожная власть жестоко преследовала «инициативников». Их разгоняла милиция, за ними следил КГБ, самых активных власть лишала свободы.

Большинство общин СЦ ЕХБ по-прежнему, как и в советский период, избегают любой регистрации, считая, что регистрация противоречит принципу независимости церкви от государства. Тем не менее миссионеры Совета Церквей активно проповедуют по всей России, в том числе среди коренных народов Крайнего Севера и на Дальнем Востоке.

Так же как и в случае с судьбой нового председателя Союза ЕХБ Алексея Смирнова, биография Николая Антонюка скорее говорит о новых веяниях в рамках Совета Церквей. Антонюк — представитель молодого поколения служителей, не испытавший на себе гонений, более того, он является выходцем из семьи «регистрированных» баптистов, то есть из Союза баптистов. На фоне того, что многие общины «инициативников», ранее вообще не общавшиеся со своими братьями, начинают более терпимо относиться к баптистам из Союза ЕХБ, изменения в СЦ ЕХБ неизбежны, хотя они по-прежнему носят консервативный характер. Одним из элементов современного критического восприятия РСЕХБ со стороны инициативников стала позиция и сама личность Юрия Сипко. Теперь последователи СЦ ЕХБ указывают на общественную позицию Сипко как на свидетельство вмешательства церкви в политику и еще большего обмирщения союзных баптистов.

Новые и старые лидеры протестантизма в России уже заняли свое место в общественной и в политической жизни страны и активно поддерживают те или иные религиозно-политические силы. Примером этого может служить деятельность бессменного лидера одного из крупнейших союзов — РОСХВЕ, епископа Сергея Ряховского, члена Общественной палаты РФ, который делает самые разные заявления — от выступлений против экстремизма до поддержки законопроекта о передаче имущества религиозного

назначения религиозным объединениям в противовес выступлениям музейщиков.

Одним из качеств евангельского сообщества является его многообразие и многоцветие лидеров, каждый из которых будет высказывать свое мнение о будущем России, о политических задачах и социальном служении. То движение, о котором общество достаточно плохо знает, постепенно раскрывается и предстает в самых разных красках и оттенках.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЗИЦИЯ

В постсоветский период протестантские церкви зарекомендовали себя в качестве приверженцев демократических ценностей. В первую очередь принципы демократии и справедливых экономических отношений ложатся в основу социальных идей, которые затрагивают жизнь каждого конкретного верующего, за которого церковь несет ответственность. Протестанты защищают права и свободы граждан, а также принципы свободной экономической деятельности, где есть конкуренция и отсутствует вмешательство власти в частный бизнес. Идеалом для большинства представителей протестантизма является честный индивидуальный предприниматель, пользующийся конкуренцией для проявления своих творческих талантов. Представление о социально ориентированном государстве и обществе у протестантов основано на прагматизме, согласно которому общественное устройство должно соответствовать определенным демократическим принципам.

Начиная, по крайней мере, с 1990-х гг. своими политическими акциями и инициативами среди всех протестантов отличаются пятидесятники разных направлений, евангельские христиане и методисты. Харизматические лидеры (особенно пасторы самых активных церквей с шумным экзальтированным богослужением) поддерживали демократические партии, публично высказывали симпатии президенту Борису Ельцину, так как ельцинское десятилетие дало им возможность свободной евангелизации и выражения своей веры. На всех президентских выборах пятидесятники, как, впрочем, и евангельские христиане, баптисты и методисты, призывали голосовать за Бориса Ельцина. Как подчеркнул в интервью автору один из пасторов пятидесятнической церкви «Новая Жизнь» в Перми, «без Ельцина в России не было бы демократии». Благодаря постсоветской либерализации в политической жизни,

протестантские Церкви из разных союзов, прежде всего, пятидесятнические, поддерживали своих кандидатов на выборах, с той или иной степенью успеха (в предвыборных кампаниях кандидата в областную думу принимала участие церковь «Новое поколение» в Ярославле, за кандидата в мэры голосовала церковь «Новый Завет» в Перми и т. п.).

Свои симпатии по отношению к российской власти 1990-х гг. протестанты, в частности, выражали, вывешивая на сцене во время богослужения российский «триколор». Большинство евангельских церквей, которых считали маргиналами и «сектантами», голосовали на выборах так же, как подавляющая масса российской интеллигенции: при Ельцине за президента-демократа против коммуниста Зюганова, на думских выборах — за партию «Яблоко» Григория Явлинского. В первые годы правления президента В. Путина протестанты голосовали за партию «Яблоко» и «Союз правых сил». В тот период, в 2002–2004 гг., многие пятидесятнические пасторы заявляли о том, что они вполне готовы доверять В. Путину, но при этом осторожно отзывались о лояльной власти партии «Единая Россия», так как видели в ней лишь объединение различных групп высшего чиновничества страны.

С приходом к власти президента Владимира Путина в 2000 г. партии и движения демократической направленности были фактически вытеснены с политической арены; в частности, они потеряли даже то малое количество голосов, которые имели в 90-е гг. в федеральном и региональных парламентах. Отсутствие демократических партий и движений в политической жизни страны стало серьезным препятствием для участия представителей протестантских церквей в реальной политической жизни. Однако вместе с исчезновением своих единомышленников на политической арене многие протестантские идеологи стали более активно демонстрировать свои демократические воззрения методами «прямой демократии». Как заявил в интервью автору один из руководителей Армии Спасения в России майор Александр Харьков, протестанты не должны чувствовать себя «частью осколка российского либерализма, какими являются демократические партии “Яблоко” и “Союз правых сил” — они отнюдь не образец для протестантов».

Свободное развитие протестантских церквей в России было прервано чиновниками после 1997 г., когда в силу вступил Закон «О свободе совести и о религиозных объединениях», принятие

которого было поддержано также иерархами РПЦ МП. В преамбуле Закона делается ссылка на «особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» и на уважение «христианства, ислама, буддизма, иудаизма и других религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия России». Изначально религиозные организации, существующие на территории России менее 15 лет, лишались прав юридического лица на основании третьего и четвертого пунктов 3 статьи 27 Закона о религии. Однако к 1999 г. действие Закона о религиозных объединениях было фактически нейтрализовано. Тогда Конституционный суд РФ в связи с жалобой общины Свидетелей Иеговы из Ярославля и харизматической церкви «Прославление» из Абакана (Хакасия) признал, что церкви обладают всей полнотой прав, если входят в централизованную организацию (постановление КС РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П).

Вместе с тем дискриминация в отношении протестантских церквей не прекратилась. Более того, после 2000 г. она лишь усилилась. Контроль за деятельностью евангельских общин стали осуществлять и федеральные и местные власти, а также сотрудники Управлений ФСБ, для которых руководством к действию стала Концепция национальной безопасности РФ, разработанная Советом безопасности России 10 января 2000 г. В концепции перед органами власти была поставлена, по сути, новая задача, которая ранее не была озвучена в официальных документах — это «противодействие негативному влиянию иностранных религиозных организаций и миссионеров». Религиозный экстремизм в рамках концепции ставится на одну планку с международным терроризмом. По аналогии с государственной безопасностью авторами концепции был выработан термин — «духовная безопасность». Трактовка этого бюрократического понятия с размытым смыслом во многом зависела от того, как тот или иной чиновник понимает национальную безопасность страны. С появлением определенного идеологического заказа дискриминация стала носить более упорядоченный характер, а большинство случаев притеснения верующих представлялись властями как чисто «имущественные споры». Протестантов стали лишать арендованных помещений, запрещать проведение массовых евангелизационных мероприятий под предлогом опасности террористических акций, вытеснять из социальных учреждений, власти также отказываются выделять им

землю под строительство Домов молитвы, пытаются забрать уже выделенную землю и т. п.

Под давлением националистов и части православной общественности власти увидели в протестантизме не столько угрозу авторитету РПЦ МП, сколько средоточие западного влияния. Чиновники опасаются демократического потенциала растущего евангельского движения, которое остается неподконтрольным государству. Местные власти, правоохранительные органы, представители православных епархий и движений совместно и по отдельности проводят акции устрашения самых влиятельных протестантских церквей, стараясь ограничить их бурную социальную и миссионерскую деятельность. Самым громким противостоянием властей и протестантов стал инцидент в Удмуртии.

В апреле 2005 г. было совершено нападение на офис Ижевской епархии церковью ХВЕ «Дело Веры» — сотрудники милиции и ОМОНа провели обыск и задержали более 40 человек по подозрению в сокрытии некоего бывшего заключенного, якобы совершившего убийство (эти предположения не подтвердились). На стороне пятидесятников выступила одна из демократических партий — «Союз правых сил». В заявлении Президиума Политсовета СПС от 29 апреля 2005 г. выражалось возмущение происходящими событиями и содержался следующий призыв: «Мы требуем от правоохранительных органов Республики Удмуртия полномасштабного расследования случившегося и недопущения преследования граждан по религиозному признаку».

Антисектантская кампания местных православных заставила евангельские общины выступить с политическим заявлением. 14 мая 2005 г. от имени Консультативного совета протестантских церквей Екатеринбурга и Свердловской области было распространено заявление, в котором отмечалось, что в связи с ликвидацией в областной администрации департамента, который занимался отношениями с верующими, «процесс конструктивного сотрудничества власти с неправославными религиозными организациями свернут». При этом «повысилась активность наиболее политизированных структур Православной церкви, которые развернули широкую сеть публичных акций не только против «нетрадиционных» религиозных организаций, но и против светских структур и отдельных лиц. При этом они стали нередко провоцировать прямые конфликты как с объектами пикетирования, так и с правоохранительными органами, пытающимися заставить

их соблюдать хотя бы основные правовые нормы». Совет также направил открытое письмо президенту РФ В. В. Путину, где раскрывались факты нарушения прав верующих из церквей «Новая Жизнь», «Благая Весть» и «Живое Слово». Церкви, входящие в этот совет, уже многие годы подвергаются оскорблениям со стороны «сектоведов» — священников Екатеринбургской епархии РПЦ МП, которые иницируют пикеты около зданий, где протестанты проводят свои воскресные богослужения. В Ижевске, Екатеринбурге, как и во многих других российских церквях, евангелисты и пятидесятники делали все, чтобы защитить себя в судебном порядке, с помощью власти, за которую они молятся за каждым воскресным богослужением.

Черед репрессивных мер против «нетрадиционных» конфессий, самыми многочисленными из которых являются протестанты, приводит к тому, что пятидесятник или евангелист чувствует себя обязанным быть «совестью» данного государства и добиваться тех оптимальных условий, которые способствовали бы «спасению его души». Тех, кто высказывает свои претензии к чиновникам и поднимает социально-политические проблемы, волнующие общество, в рамках евангельского движения если не большинство, то, по крайней мере, значительная часть. Например, лидер Союза евангельских христиан-баптистов Юрий Сипко выступал с критикой социальных реформ государства, обвинив власть в традиционном для России игнорировании интересов отдельных граждан и прав личности, существовавшем еще при коммунистическом режиме, который «в России еще жив до сих пор». Епископ Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ) Сергей Ряховский, наоборот, подчеркивал, что протестанты являются той частью общества, которая поддерживает социальные реформы, проводимые президентом В. Путиным ради построения демократического общества. Глава пятидесятнического объединения «Церковь Божия» в Ярославле Андрей Дириенко не раз призывал государство бороться с ксенофобией, антисемитизмом, а также выступал за создание профессиональной армии и введение альтернативной службы в рамках военной реформы.

Существование гонений показывает, что, в сознании протестанта, истинный христианин не может жить полноценной жизнью вне принципов «библейской» свободы, которые в целом совпадают с требованиями демократического общества. Именно поэтому политическая активность протестантов провоцируется в основном

препятствиями к осуществлению своих гражданских прав и в первую очередь ограничением свободы совести, а также усугублением социальных проблем и нарушением со стороны власти и общества норм библейской морали. Свободное исповедание веры, так же как и исцеление социальных пороков, являются, с точки зрения протестанта, религиозным и патриотическим долгом каждого христианина. Именно поэтому бюрократический произвол, коррупция, прямые и косвенные гонения на церковь, которые ограничивают христианина как члена общества, способны привести к акциям гражданского неповиновения. И такого рода политическая деятельность будет поддержана значительным большинством евангельских верующих.

Упорядочивание политики дискриминации в России также привело к тому, что лидеры целого ряда евангельских церквей вынуждены были обвинить чиновников в том, что они не способны строить в России цивилизованное европейское общество, что они намеренно не соблюдают Конституцию и демократические законы. Летом 2005 г. наиболее активная часть протестантского сообщества России стала инициатором и участником митингов, пикетов и демонстраций против нарушения представителями власти демократических законов. Основную роль в устройстве публичных акций принимали участие члены пятидесятнических церквей харизматического направления. Инициатором демонстраций Москве стала церковь «Эммануил» (входит в объединение Российская Ассамблея Бога). Первый митинг прошел в Новопушкинском сквере 22 мая 2005 г. на Пушкинской площади. Поводом для его проведения стали попытки чиновников отобрать у церкви землю в районе проспекта Вернадского в Москве, на которой она намеревалась построить Духовно-культурный центр. Одновременно с этим в столичном микрорайоне Солнцево власти фактически отказывались выдать разрешение на реконструкцию старого здания Дома культуры для того, чтобы верующие могли обустроить там Дом молитвы. Причем и земля, и Дом культуры были куплены на церковные средства и являются собственностью пятидесятнической общины. Пастор церкви «Эммануил» Александр Пуршага выступил с резкой критикой чиновников и правоохранительных органов. После разгона целого ряда акций в центре столицы Пуршага заявил в эфире радио «Свобода»: «У меня нет никаких иллюзий ни по отношению к конституции в нашей стране, на нее никто не обращает внимания, даже те, которые ее обязаны хранить

и быть гарантами ее. На законность никто не обращает внимания, даже те, кто пишет эти законы». Члены общины после задержаний участников митинга выражались еще более резко: «Сотрудники милиции часто убеждали задержанных, что мы живем не в правовом государстве, что демократия — выдумка, а свобода весьма относительна, что нам никогда не одолеть “эту машину”». А один офицер милиции высказался, что если жить по закону и поступать по совести, то завтра в России не будет ни милиции, ни армии». Именно евангельское представление о том, какой должна быть цивилизованная европейская страна легла в основу публичных акций протестантов. По словам Александра Пуршаги, «если взглянуть глазами протестанта, который живет в России и который терпит все это, начиная от улицы и заканчивая кабинетом чиновника, я считаю, что на нашу конституцию, на наши законы чиновники и окружающие люди просто плюют». После встреч Пуршаги с тогдашним вице-мэром Москвы Михаилом Менем пятидесятники одержали лишь частичную победу — им было предоставлено право реконструировать купленный ими Дом культуры, превратив его в Дом молитвы.

О политической безответственности чиновников вслед за московскими пятидесятниками заявили летом 2005 г. воронежские церкви. Однако, в отличие от столицы, пятидесятников из Совета старших служителей Церквей христиан веры евангельской поддержал Консультационный Совет глав протестантских общин города Воронежа, куда входят представители евангельских христиан-баптистов, пятидесятников, адвентистов седьмого дня, евангельских христиан, методистов и пресвитериан. 4 июня 2005 г. на площади Ленина в центре Воронежа собрались не только пятидесятники, однако именно члены пятидесятнической общины (пасторы Андрей Башмаков и Алексей Шиповский) были организаторами и главными ораторами на этом митинге, и пятидесятники первыми заявили о том, что мэрия отказывается выделить им землю под строительство церкви. Воронежцы меньше говорили о частных проблемах церквей и больше старались защитить корпоративные интересы евангельского сообщества.

Общую идею митинга выразил пятидесятнический пастор Алексей Шиповский, член Союза журналистов РФ, который обращался с открытым письмом о дискриминации прав верующих в Воронежской области и в России вообще лично к президенту В. В. Путину (и не получил никакого ответа). По словам

Шиповского, «мы имеем право проповедовать от Бога, и как граждане России». Помолвившись за губернатора Владимира Кулакова и мэра Бориса Скрынникова, которые допускают произвол в отношении христиан, протестанты Воронежа предъявили властям следующие требования: прекратить дискриминацию верующих, не принадлежащих к РПЦ МП, не чинить препятствий для проведения евангелизаций (которые стали запрещать под предлогом угрозы терактов), найти решение вопроса о выделении земельных участков для строительства культовых зданий для всех действующих в городе и области религиозных организаций, которым такое право предоставляет Конституция РФ и Федеральный закон «О свободе совести».

Кроме того, воронежские протестанты, пожалуй, впервые сформулировали чрезвычайно насущные социально-политические требования, о которых обычно церковные лидеры опасаются прямо говорить чиновникам и журналистам. В резолюции воронежского митинга было записано, что верующие намерены добиваться объективного информирования населения через государственные СМИ о социальной деятельности протестантских вероисповеданий на территории Воронежской области, а также участия наравне с епархией РПЦ МП в организуемых властями социальных, культурных и гражданско-патриотических программах и акциях.

Уличные выступления московских и воронежских протестантов породили неоднозначную реакцию в евангельской среде. Одни пасторы и епископы высказывали опасения по поводу того, что выступления верующих за демократию могут вовлечь церковь в политическую деятельность. Другие отмечали, что церковные лидеры используют опасные методы борьбы с произволом, подставляя простых членов общины под удар жестокой власти; третьи говорили о неизбежности подобных выступлений, если власть будет продолжать оказывать давление на неправославных. Но значительная часть протестантских лидеров — баптисты, лютеране, адвентисты, главы различных пятидесятнических и евангельских союзов — признавали правоту требований церкви «Эммануил» и евангельского сообщества Воронежа, их моральное право на подобную акцию. Скепсис по отношению к тем методам протеста, который использует церковь «Эммануил», объясняется во многом нежеланием многих евангельских деятелей участвовать в каких-либо политических играх с властью, к которой они относятся с подозрением. К примеру, один из лидеров Объединенной

Церкви ХВЕ, бывший узник совести, епископ Владимир Мурашкин заявлял в интервью автору, что любые подобные акции могут навлечь гонения на простых верующих, а поэтому он выступает против них. Однако, как заметил Мурашкин, «у наших верующих нет желания угождать кому-либо и власти в том числе».

Прошедшие митинги заставили протестантов обсуждать собственную общественно-политическую позицию, отношение к власти и к соблюдению ею демократических законов. Все евангельские верующие, а не только пятидесятники, встали перед проблемой осознания себя и своей церкви как части гражданского общества, которое только одно и может являться основой свободного государства. Для многих церковных служителей ответственность церкви за справедливость власти и упрочении свободы в государстве стала такой же естественной, как обычная для протестантов забота об искоренении наркомании, алкоголизма и других пороков общества. В наиболее радикальном виде эту точку зрения выразил в интервью автору пастор пятидесятнической церкви «Спасение» в Брянске Сергей Ганджура. Он полагает, что протестантские митинги и пикеты — это первый шаг России к «оранжевой» революции, которая должна обязательно произойти. Только после демократической смены власти, считает пастор, в стране произойдут изменения к лучшему.

Политическое брожение, охватившее евангельское движение в России, заставило наиболее лояльных власти протестантских лидеров выступать с оправдательными заявлениями. Назначенный в 2005 году Президентом РФ членом первой трети Общественной палаты России епископ Сергей Ряховский, глава Российского объединенного союза христиан веры евангельской (РОСХВЕ), осудил любые проявления политической деятельности, такой, к примеру, как демонстрации верующих из церкви «Эммануил» под руководством пастора Александра Пуршаги под лозунгами осуждающими мэра Москвы Юрия Лужкова. Более того, РОСХВЕ выступил с осуждением церкви «Посольство Божие» на Украине, которая поддерживала Виктора Ющенко. В одном из интервью епископ Сергей Ряховский попытался восстановить лояльный имидж протестантов перед лицом представителей власти: «Кто-то сознательно подогревает страсти, чтобы противопоставлять протестантизм православию, чтобы сделать протестантов “пятой колонной”, инструментом “оранжевой” революции. И я сказал, что любые подобные провокации обречены на провал, потому что мы, российские

протестанты, — патриоты своей страны, мы люди, которые особо чтят российскую власть и президента России. И в разгар “оранжевой” революции на Украине я выступил с предостережением и протестантов, и Православной церкви, которые позволили втянуть себя в политическую деятельность». Подчеркивая свою государственническую политическую позицию Сергей Ряховский объяснял проблемы, возникающие у протестантов в разных регионах России, прежде всего невежеством чиновников. По мнению Ряховского, если органы власти отказываются следовать букве закона и не выделяют землю для общины, то надо прежде всего приложить усилия и перевести взаимоотношения с чиновниками из конфронтации в диалог и не затевать судебных разбирательств.

Поддерживая демократические инициативы любой власти, протестанты как бы отказываются воспринимать «неправедную» власть всерьез. Это приводит к обратному лояльности эффекту — церкви противопоставляют «беззаконной» власти свой собственный идеал государства, в котором политики и чиновники являются, как правило, «спасенными» христианами. Только в этом случае апостольская декларация о молитве за любую власть получает, с точки зрения пятидесятника или баптиста, реальное наполнение.

В одних случаях консерваторы и либералы добиваются защиты прав верующих и прекращения преследования отдельных церквей со стороны властей, в других они занимают «патриотическую», по их мнению, позицию лояльного отношения к тем же властям. Кажущаяся сложность и противоречивость мировоззрения лютеран, баптистов или же пятидесятников заключается в том, что протестанты, как правило, дают демократические ответы на запросы общества, вознося молитвы за «неправедных» чиновников.

Протестанты предлагают по крайней мере два основных пути утверждения демократических норм. Первый путь — отвечать на вызовы общества, то есть стараться исправить социальные пороки, реагировать на социальные конфликты и быть «совестью» власти. Второй путь — открыто воздействовать на власть, добиваться «евангельской справедливости», пытаясь сделать государство хотя бы отчасти христианским, воздействуя на него и снизу и сверху.

Во многом бороться с протестантами националистов и чиновников подвигает и то обстоятельство, что официальную позицию руководства евангельскими союзами, которое может демонстрировать доброжелательность на встречах с высшими чиновниками,

чрезвычайно редко разделяется всеми, без исключения, членами протестантских объединений и групп. Это означает, что для любой недемократической власти современный протестантизм слишком недисциплинирован и неуправляем, так как даже прямое требование лояльности не способно подчинить его диктату чиновников полностью. Слова верности власти легко произносятся верующими, так как за ними стоит Библия, но Библия же не обязывает подчиняться власти во всем и даже обязывает в определенных случаях не подчиняться.

Консолидированное мировоззрение и интересы, совпадающие с демократически настроенной частью общества, его элитарной образованной части, способно многократно увеличить реальную социальную мощь общественного движения протестантов. Слабое и хаотичное противодействие чиновников миссионерству, социальной работе и критике со стороны пасторов помогает церковным лидерам стать политиками.

Свой оригинальный образ государства современный протестантизм выразил в целом ряде богословских доктрин, в рамках которых церковь сама частично или полностью отвечает за ту власть, которую, согласно Библии, следует почитать, а иногда и формирует ее сама. Более традиционные церковные движения не высказывают претензий на власть в целом, но заявляют о том, что члены церкви могли бы быть лучшими депутатами и губернаторами. Харизматические движения евангельско-пятидесятнического толка разрабатывают целые теологические учения о том, как протестанты могут сделать ту или иную страну христианской, утвердив там, к примеру, новый евангельский «мировой порядок» (так называется одно из сочинений пастора пятидесятнической церкви «Новое поколение» в Риге Алексея Ледяева), где у власти будут верующие политики. Доктрина «нового мирового порядка» широко обсуждалась в России, и является читаемой и популярной в значительной части церквей, даже при несогласии с ее излишней полтизированнойностью и революционностью. При этом евангелисты и харизматы стремятся отнюдь не к теократии, а к такой демократической системе, в рамках которой христиане смогут добиваться высоких постов в правительстве и парламенте, а также следить за соблюдением норм христианской морали в обществе.

Многообразие различного рода богословских течений и миссионерских объединений, их идеология вполне отражает политические пристрастия, существующие в российском обществе. Для

некоторых протестантов лояльность власти является, как и для многих православных граждан России, надеждой на свободное развитие страны в будущем, на создание сильного гражданского общества, где евангельские церкви займут свое место. Для других церковных лидеров власть, как и в советское время, остается грозным и жестоким символом российской государственности, к которому можно испытывать лишь недоверие. На протяжении многих лет демократическое направление в протестантизме было представлено главой РСЕХБ Юрием Сипко, а позицию епископа Сергея Ряховского скорее можно назвать более прагматичной, лояльной и государственнической. Однако политические воззрения руководителей союзов и отдельных церквей развиваются в общем демократическом поле, большинство евангельских верующих приветствовали новую линию президента Дмитрия Медведева на модернизацию страны и демократизацию политической системы. В высказываниях президента Медведева, в его призывах пробудить гражданское общество, сделать его более сильным, каждый протестант услышал что-то родное и давно выстраданное.

Значительному повышению авторитета протестантских церквей перед лицом представителей власти, общественности и СМИ служит успех социальной работы общин. Социальное служение протестантов чрезвычайно многообразно; наверное, нет такой сферы, где бы не звучала протестантская молитва. Лидеры церквей признают, что для осуществления своих «духовных» целей церкви и любому верующему необходимо участвовать в жизни гражданского общества и в исправлении его социальных пороков. Практически каждая протестантская община организует группы верующих по работе с наркоманами, беспризорными детьми, детскими домами и домами престарелых и т. д.

Алкоголизм, наркомания и такие социальные пороки, как бедность, детская беспризорность, брошенные старики, рассматриваются в евангельском мировоззрении в контексте библейской истории. К примеру, болезнь каждого наркомана является для протестантов следствием грехопадения человека. Кроме того, конкретная болезнь связывается с духовным состоянием современного общества. Совершенный грех, последующая болезнь и будущее «возрождение в Боге» являются одной цепочкой, которая неизбежно приводит поверившего в Бога человека к исцелению. Именно поэтому большинство руководителей реабилитационных центров заявляют о произошедших в центре «чудесных» исцеле-

ниях наркоманов «без ломки» и без использования медикаментов. Многочисленные «исцеления» наркоманов, алкоголиков, больных раком и СПИДом в церквях и в организованных ими реабилитационных центрах в сознании верующих (пасторов и верующих из числа бывших наркоманов или алкоголиков) не только возможны, но и предопределены. Одним из самых известных движений, которое занимается реабилитацией, является служение «Исход». В частности, модель духовного пути бывшего больного выстраивается в центрах служения «Исход», распространенных в основном на Юге России. Церкви и центры для реабилитации наркоманов (входят в РОСХВЕ) в рамках этого служения существуют параллельно друг с другом. Наркоманы, проходящие реабилитацию, вначале стремятся заслужить доверие в рамках центра и становятся лидерами группы в рамках центра, а затем постепенно входят в церковную жизнь, участвуют в богослужениях и становятся лидерами библейских групп в церкви, а в конечном итоге и служителями церкви. Большинство лидеров служения «Исход» являются бывшими наркоманами, прошедшими реабилитационные центры.

Одной из острых проблем, глубоко осознаваемых протестантами, является воспитание нравственных ценностей и создание крепкой семьи. Евангельские верующие выступают за консервативные христианские этические принципы, независимо от направлений и форм служения в церквях. Многодетные семьи — это обычное явление в протестантских церквях.

В 2000-е гг. признаком превращения протестантов в социальную силу стало формирование евангельского бизнес-сообщества, разного рода ассоциаций бизнесменов Полного Евангелия, христиан-предпринимателей, клубов членов церквей, которые занимаются малым и средним бизнесом. Этические нормы этой части российского бизнеса, доверие предпринимателей друг ко другу, значительно отличаются от тех норм, по которым живет большинство представителей российского бизнеса.

ПРАВОСЛАВИЕ И ПАТРИОТИЗМ

Протестантизм стал частью не только социальной, общественно-политической, но и духовной жизни России. Евангельское движение стремится к осознанию себя частью той традиции, которая является элементом истории и духовности страны, патриотического

мировоззрения ее граждан. Этому с начала 2000-х гг. способствует привлечение в церкви интеллигенции и студенчества, которые становятся проводниками идей инкультурации протестантизма. Как подчеркивают Сергей Филатов и Анастасия Струкова, «важно, что впервые в России появилась действительно многочисленная протестантская интеллигенция. По сравнению с интеллигенцией других деноминаций, интеллигенция протестантская на сегодняшний день наиболее открыта богословскому поиску и всевозможным новациям... Одно из наиболее видимых проявлений “инкультурации” протестантизма — это свойственное практически всем активным протестантским церквям в современной России более или менее осознанное стремление к элементам православной обрядности»*. Причем это не свидетельство некоего миссионерского популизма, а признак глубокого внутреннего развития.

Идейная позиция одного из основных публично известных лидеров российского протестантизма главы Российского объединенного союза христиан веры евангельской пятидесятников Сергея Ряховского основывалась в 2000 г., в частности, на том, что становление протестантизма в России будет происходить параллельно с развитием православия, которое, как считают многие другие церковные лидеры, пройдет через неизбежную «духовную реформацию». В отличие от многих радикальных харизматических лидеров, считавших, что евангельская проповедь либо изменит, либо приведет к фактической потере православием своей исключительной роли, Ряховский признает духовное значение Православной церкви. Более того, Ряховский считает, что если основными деятелями евангельского возрождения в России будут пятидесятники и баптисты, то оно не будет воспринято всеми жителями России. По мнению Ряховского, только параллельное развитие православия и сотрудничество протестантов (особенно харизматов-реформистов в качестве новой религиозной силы) с православием помогут евангелизировать Россию. Сергей Ряховский считает, что «в РПЦ есть рациональное зерно, и оно базируется на мистике. Если бы мы пришли в РПЦ, то каждый десятый православный священник был бы наш»**.

* Филатов С., Струкова А. От протестантизма в России к русскому протестантизму // Неприкосновенный запас. 2003. № 6 (32).

** Современная религиозная жизнь России. Опыт систематического описания. Т. II / Отв. ред. М. Бурдо, С. Б. Филатов. М.: Логос, 2003. С. 290.

При этом, вслед за массой пятидесятнических пасторов и простых верующих, С. Ряховский не может не критически относиться к самому институту Московской патриархии. В 2000 г. Ряховский отмечал: «Какую церковь мы имеем в виду, когда говорим о “современном” православии? Ту, которая после гражданской войны в России оказалась в эмиграции? Или расстрелянную на островах “Архипелага ГУЛАГа”? Или ту, которая была возрождена Сталиным и Берией? Я хотел бы говорить о православии как о традиционной вере, не привязывая к конкретным организациям»*. В 2003 г. Сергей Ряховский даже заявил интернет-порталу «Jesus Christ.ru», что следующая волна гонений на евангельские церкви в России придет со стороны Православной церкви, потому что «Православная церковь считает всю Россию своей колониальной территорией».

Одним из характерных примеров уважения православия и попыток его как бы преодолеть является позиция пастора московской церкви «Роса» Павел Савельев. Он заявляет о том, что он молится за православных и, как верующий, призывает не забывать, что на алтаре у православных все равно лежит Библия**. По мнению Савельева, православные верили и верят скорее в традицию, культуру и обряд, а не в Иисуса Христа. Пастор, в частности, приводит пример своего деда, записки которого на полях Библии он читал: православный священник о. Николай Карпович, расстрелянный в Москве в 1930-е гг., — «он был самоотверженным человеком, но ничего не понимал в Духе». По мнению Савельева, необходимо отличать религиозность от веры, а «православие отстаивает именно культуру и обряд, а не живую веру».

Московская патриархия, как организация, созданная советской властью, по словам Савельева, вызывает у народа все меньше уважения и постепенно теряет свой авторитет. У пастора Савельева, как и у большинства пятидесятников, больше доверия вызывают православные диссиденты, в лице которых пятидесятники видят начало «православной реформации». К примеру, «человеком высочайшей духовности, правозащитником и демократом» Савельев называет о. Глеба Якунина. В перспективе развитие отношений между двумя духовными традициями Савельев видит в том, что «пятидесятники должны быть намного сильнее для того, чтобы

* Современная религиозная жизнь России. С. 291.

** Подберезский И. В. Быть протестантом в России. М., 1996, С. 252–253.

РПЦ начала с нами говорить. Но когда православие начнет работать с нами, то это уже будет не православие. В этом вся проблема».

Идеалистическое романтическое представление о православно-протестантских отношениях довольно быстро стало растворяться, и после 2000 г. складывался более прагматичный взгляд на православие. Ушли в прошлое надежды построить отношения с «обновленным» или «реформированным» православием. В разное время протестанты контактировали не только с отцом Глебом Якуниным, но и с представителями харизматического православия — Православной церкви Божией Матери Державной (бывший Богородичный центр). Богородичные священники, к примеру, принимали участие вместе с баптистами и пятидесятниками в Маршах Иисуса. Для многих евангельских церквей олицетворением открытого православия, подвергшегося реформации, стала Обновленческая церковь во главе с архиепископом Сергеем Журавлевым, интервью с которым о необходимости реформации в православии печатались и печатаются во многих протестантских изданиях.

Одновременно с призывами к реформации Православной церкви шел более глубокий и требующий больших интеллектуальных затрат процесс восприятия и творческого переосмысления различных форм православной религиозности. Наиболее критично к православному наследию относятся баптисты и евангелисты. Пятидесятники и евангельские христиане стараются перенять некоторые качества и черты православности — строят Дома молитвы в православном стиле. Одним из сторонников российского своеобразия в пятидесятничестве можно считать Рувима Назарчука, пастора церкви в Тамбове и лидера Ассоциации евангельских христиан. По его мнению, необходимо по возможности использовать православные традиции в церкви — благоговение, стройное пение без инструментальной музыки. У консерватора по духу Р. Назарчука отрицание харизматического стиля служения пятидесятников-реформистов тесно связано с восприятием православия как исконной духовной традиции, с которой надо считаться всем христианам России. По инициативе Назарчука церковное здание было построено так, что в центральной части огромного Дома молитвы в Тамбове возвышается колокольня.

Самыми внимательными по отношению к православной символике и к богословию являются методисты. Направленность методистского богословия на самосовершенствование и духовную

практику, вполне сравнимую с оригинальными концепциями традиционных христианских церквей, помогла адаптировать в 1990-е гг. методизм к особенностям российского менталитета. Пастор из Петербурга Андрей Пупко, к примеру, носит православный крест, специальное пасторское облачение и ставит икону в зале для служения. В деревнях Ленинградской области, где проповедует Пупко, многие воспринимают его как «протестантского батюшку». В конце 1990-х гг. епископ РОМЦ Ридигер Минор высказывал мнение о том, что методистская служба вскоре приобретет облик, сходный в чем-то с литургией, в особенности после того, как в русский сборник гимнов РОМЦ будут включены избранные православные молитвы. Среди методистов следует отметить московского пастора Федора Дрожина. Он так же, как и Андрей Пупко, носит православный крест и читает святых отцов. В методистской среде большое неприятие вызвала инициатива Дрожина создать православно-методистскую церковь. Впоследствии и сам Федор Дрожин отказался от этой идеи, так как его оттолкнул непонятный язык богослужения и разрыв между духовенством и мирянами в Православной церкви. Все же некоторые обряды Дрожину заимствовать удалось — в его общине, в частности, отпевание совершается почти в полном соответствии с православным чином.

В протестантской среде предпринимались также попытки создания осмысленных историософских концепций, которые бы вписали протестантизм в русскую историю и духовную традицию. Одной из таких концепций стала теория Владислава Бачинина, руководителя научно-исследовательского центра Ассоциации христианских церквей «Союз христиан» (Санкт-Петербург). Согласно этой теории на протяжении всей истории России развивались две тенденции — византизма, обрядовой консервативной религиозности, связанной с авторитарной властью, и евангелизма, открытого, свободного, демократичного христианства, идущего навстречу людям и открывающего истины Евангелия*. К примеру, представителем евангелистской тенденции сторонники этой теории называли средневековых русских еретиков стригольников и жидовствующих, а также преп. Сергия Радонежского или преп.

* См.: Бачинин В. А. Национальная идея для России: выбор между византизмом, евангелизмом и секуляризмом. Исторические очерки политической теологии и культурной антропологии. СПб., 2005.

Серафима Саровского, которые выходили за церковную ограду и проповедовали всем людям.

Между тем для большей части протестантского сообщества подобные теории приспособления православных исторических героев к протестантскому миропониманию оказались скорее искусственными. Никакой прямой связи с евангельской протестантской верой у еретиков или православных святых не было и не могло быть, а собственно евангелизационную историю России большая часть верующих евангельских церквей отсчитывает с середины — второй половины XIX в., когда Библия была окончательно переведена на русский язык и появились первые русские баптистские общины. Общее мнение, характерное для современных пасторов, выразил в интервью автору в октябре 2006 г. старший пастор Церкви евангельских христиан Рязанской области Роман Попов. По его мнению, протестантам не надо вставать на православные рельсы и доказывать, что мы тут уже давно, сотни лет, как и РПЦ. Надо честно говорить о том, что все началось в XIX в. с немецких проповедников. Принадлежность к русской культуре и русскому патриотизму должна заключаться во внутреннем ощущении о том, что «я являюсь частью этой истории, независимо от государства и какой-либо “традиционной” религии». Русскую литературу и, в частности, Достоевского Попов считает недооцененной с точки зрения именно христианских ценностей и стремится найти себя и что-то свое в литературе, ведь, по мнению Попова, «русскому духу всегда было тесно в рамках православной традиции». Более мягко свою позицию по отношению к Православной церкви выражал другой консерватор — пресвитер церкви в Екатеринбурге Павел Бак (с 2002 г. — заместитель главы Российской Церкви ХВЕ). По его мнению, высказанному в интервью автору в 2000 г., настоящий православный патриотизм — «старообрядческий», обращенный в прошлое, а патриотизм протестантский — это просто христианская жизнь. Православие, с точки зрения Бака, свидетельствует о Христе куполами церквей с крестами, такими светлыми духовными людьми, как преп. Сергей Радонежский и о. Александр Мень, но не своим содержанием, а поэтому, по словам Бака, «мы не сможем себя выразить в РПЦ».

Протестантское мировоззрение в конце концов вступило в зрелый этап своего развития, когда была осознана потребность в не зависимом ни от кого взгляде на русскую историю и литературу, на веру, церковь и благочестие. Евангельское движение освободи-

дилось от постоянного соотнесения себя с православием и от комплекса «неправославности», в соответствии с которым многие пресвитеры заявляли, что пробуждение в России невозможно без реформации в РПЦ. Скорейшему «взрослению» протестантского патриотизма помогла сама Православная церковь, которая постаралась исключить евангельских лидеров из диалога на высшем уровне и на практике противопоставила себя протестантизму, по крайней мере баптистам и пятидесятникам. Во-первых, значительных реформационных движений, которые бы сотрудничали с евангельскими церквями в рамках официального православия, в России не возникло. Во-вторых, к концу 1990-х гг., в особенности после принятия Закона «О свободе совести...» 1997 г., и после 2000 г., когда из России был выдворен целый ряд иностранных миссионеров, для лидеров протестантских церквей по всей стране стало очевидным, что в представители РПЦ активно влияют на то, чтобы их общины лишали аренды помещений, земельного участка, уже купленного здания, а также выдворяли из учебного заведения или же детского дома. И в-третьих, руководство РПЦ МП никогда не стремилось к диалогу с протестантскими церквями России.

Несмотря на заявления в то время главы ОВЦС митрополита Кирилла (Гундяева) по поводу того, что РПЦ МП готова работать с протестантскими церквями для консолидации гражданского общества, Московская патриархия сотрудничает в основном с лютеранскими церквями из Скандинавских стран (Норвегии и Швеции); при РПЦ МП действует Комиссия по богословскому диалогу между православными и лютеранами, но именно российские лютеране фактически не участвуют в этом диалоге. В конце 1990-х гг. действовал Христианский межконфессиональный консультативный комитет, в рамках которого собирались как представители ОВЦС МП, так и католики и баптисты, но его работа была свернута в начале 2000-х гг. Контакты священнослужителей РПЦ МП с баптистами или пятидесятниками заключаются лишь в случайных встречах и некоторых редких совместных заявлениях и семинарах.

Равнодушие, а иногда и враждебность православия (в лице сектоведов, которые поддерживаются священноначалием в епархиях) по отношению к самым энергичным протестантским церквям, а также успешная миссия самих евангелистов и пятидесятников, в том числе и среди интеллигенции, помогали созданию патриотического мировоззрения, отличного от православия. Но и растеряв

за прошедшие 15–20 лет после распада СССР значительную долю пиетета перед православием вообще и перед Православной церковью в частности, протестанты готовы к диалогу и сотрудничеству с РПЦ МП. Не только руководители протестантских союзов, но и лидеры церквей гордятся своими контактами с епископами или же православными священниками, а святые Отцы Церкви изучаются в протестантских семинариях и колледжах.

События 2009 г., когда главой РПЦ стал Кирилл, а председателем ОВЦС митрополит Илларион (Алфеев), говорят скорее в пользу налаживания православно-протестантского диалога: в мае того года владыка Илларион встречался представителями Союза баптистов, 5 июня 2009 г. Илларион принял представителей Российского объединенного союза христиан веры евангельской (пятидесятников), в июле глава ОВЦС принял всех глав и представителей протестантских союзов, 5 октября принял около 60 протестантских пасторов, в том числе и пастора Дмитрия Таранова из саратовского «Слова жизни», 15 октября во главе с владыкой Илларионом и при участии пятидесятников, баптистов и др. состоялось заседание секретариата Христианского межконфессионального консультативного комитета стран СНГ и Балтии (ХМКК). Столь интенсивного диалога с отечественными протестантами в истории ОВЦС еще не было.

Развитие патриотического мировоззрения протестантов, эволюция их отношения к православию и диалог с РПЦ становятся показателем социализации евангельских церквей, утверждения их позиций в российском обществе. Несмотря на то что представители РПЦ часто свысока смотрят на протестантов, сами лидеры евангельских церквей с большим уважением относятся к православию, осознают недостатки и комплексы государственного православия и положения иерархов РПЦ, на региональном уровне строят отношения с православными приходами и епархиями фактически на равных, обгоняя их в социальном служении и в молодежной миссии.

* * *

Присутствие евангельского инаковерия чрезвычайно важно для российского общества, в котором инакомыслие всегда было маргинально, не слишком уважалось и понималось широкими слоями населения, унижалось и подавлялось светскими и цер-

ковными властями, бюрократией в целом, считалось странным отклонением.

Как отмечает пастор Михаил Дубровский, «Евангельское движение в России — это специфически российское явление. Оно не было занесено с Запада, хотя глупо совсем отрицать западное влияние на его формирование. Но это влияние никак нельзя оценивать как механическое заимствование. Это был живой творческий диалог, в результате которого появилось что-то совершенно новое, как для России, так и для Запада. Евангельское движение родилось в результате оплодотворения русского богоискательства западной мыслью».

Протестантизм в современной России является зримым подтверждением того, что российское общество многообразно, дифференцировано, что оно уже не готово всецело подчиняться одной абсолютной и подавляющей идее, будь то православие или поклонение «национальному лидеру». Протестантизм вызывает много споров, подозрений и страхов, так как впервые, по крайней мере в религиозной сфере, в российском обществе сформировалась зрелая сила, которая существует независимо, параллельно с другими центрами власти — РПЦ и государством, это то, что неподконтрольно и поэтому порождает фобии. Социально-богословская позиция протестантизма требует от человека социальной активности ради «спасения его души», что отвечает настроениям граждан, которые уже готовы участвовать в демократическом процессе и строить гражданское общество, в том числе основанное на христианские принципы, больше отвечающих рациональным европейским нормам в противовес православным, которые еще только эволюционируют в этом направлении.

